

«Первое – это красота!»

Интервью с профессором Гейдельбергского университета
Михаэлем фон Альбрехтом

Новый Гермес – Охарактеризуйте, пожалуйста, вкратце развитие германской классической филологии в XX веке и её нынешнее состояние.

Михаэль фон Альбрехт – Да, у немецкой классической филологии был громадный расцвет под конец XIX века и в начале XX века. Тогда наиболее важной была греческая филология, но были и замечательные латинисты. Например, был FRIEDRICH LEO, который написал первый том истории римской литературы, но не закончил эту работу. Первый том касается только архаического периода. Но там с замечательной проницательностью характеризуется каждая отдельная индивидуальность этих авторов, среди них – многих потерянных, так что это очень ценно, потому что он очень внимательно читал все эти фрагменты.

Потом был другой, очень крупный представитель латинской филологии, Eduard Norden. Он написал комментарии, которыми сейчас все пользуются. Классические комментарии к VI книге «Энеиды». Написал замечательную книгу о четвёртой эклоге, где он показывает, что тот мальчик в 4-й эклоге Вергилия – это новая рождающаяся эпоха. Сегодня опять возвращаются к этой интерпретации, потому что другие как-то не удовлетворяли. Одни говорят, что это просто какой-то ребёнок, конкретный ребёнок какой-то был. Затем были споры, какой именно это ребёнок. Одни думают, что какая-то семья ожидала мальчика, а вышла де-

вочка и т. д. А Норден показал, так сказать, глубинное значение этой 4-й эклоги. И он занимался кроме того и древнелатинскими памятниками, древнейшими молитвами, которые дошли до нас, и их поэзией, которая следовала совсем иным законам, нежели подражания грекам. Так что тут им разбираются очень древние метрические вещи. Эдуард Норден был, я думаю, одним из величайших представителей классической филологии в XX веке.

Затем, конечно, были ещё HERMANN FRAENCKEL и EDUARD FRAENCKEL. Эдуард Френкель – истинно крупный представитель немецкой классики, который из Германии уехал в Оксфорд и там стал профессором, стал писать по-английски. Для Германии это – большой стыд и срам, что его выслали. В таких обстоятельствах оказались, конечно, многие ученые. Герман Френкель открыл многие вещи в ранней греческой философии, а также написал очень интересную книгу об Овидии, в которой говорит об Овидии как о человеке между двумя мирами: между античным миром и христианским. Именно в этой книге в первый раз тот самый Овидий, которого все считают «легкомысленным» поэтом, принимается всерьёз. Очень интересная книга, написанная в 1945 году.

Понемногу начинали вникать всё более и более не только в отдельные места и детали текстов, но и в тексты как целое. В этом аспекте очень интересным филологом был FRIEDRICH KLINGNER, издатель Горация, может быть, вам известный, который очень помог латинистам немножко отделаться от мелочности и смотреть на тексты как на целое. Его подражателем был, например, VICTOR PÖSCHL, который написал очень интересную работу о подражании Платона у Цицерона в его книге *De re publica*. И тут он показывает, что Цицерон, в самом деле, очень серьёзно воспринимал Платона и преображал его с чисто римской точки зрения.

Всё более и более начали вникать и в оригинальность римского мышления. Тут был FRITZ SCHULZ¹, который тоже, к сожалению, был принуждён выехать из Германии, юрист, который написал книгу о римских понятиях, которые, так сказать, стоят между моральной философией и юриспруденцией. Например, *fides*, и подобные такого рода полунравственные, полуюридические понятия, которые являются принципами или основами римского права, но ещё, так сказать, не собственно юридическими, а, скорее, предпосылками римского права. Важно то, что римское право было наиболее гуманным из всех и было создано, в сущности, в течение II и III века по Р. Хр. под влиянием философии. Так, понимание, скажем, того, что и рабы – люди и что женщины имеют своё право, развилось под покровительством римских императоров и юристов II – III вв. по Р. Х. Тогда были хорошие императоры, философы: например, Марк Аврелий и Адриан. Все они были очень образованными императорами и развивали гуманные стороны римского права. Это именно и показал Фриц Шульц.

¹ FRITZ SCHULZ. *Prinzipien des römischen Rechts*. München/Leipzig, 1934; Berlin, 2003.

Вот эти исследователи были, так сказать, громадными фигурами в истории германской науки. Есть, конечно, очень много других, которых я теперь, вероятно, и забыл. Но я лучше знаю латинскую литературу, чем греческую, хотя в течение академических моих занятий больше занимался греческим языком, чем латинским.

А теперь наступила эпоха нового развития. При помощи компьютера мы получаем возможность вникать в самые тонкие языковые детали латинского и греческого языка. Но у нас сейчас ещё очень мало лингвистов. Я всегда боролся за то, чтобы в Гейдельбергском университете был профессор лингвистики классических языков. Прежде этим занимались профессора индоевропейской науки, сравнительного языковедения. Оно, сравнительное языковедение, теперь превратилось в общее языковедение и теорию общего языковедения, так что теперь нам нужен латинист, читающий тексты и применяющий принципы серьёзного языковедения. Я думаю, что многое ещё можно сделать, исследуя язык и стиль отдельных авторов и исследуя соотношение между стилем и содержанием. Я написал такую книгу: «Мастера римской прозы», она вышла и по-английски: «Masters of Roman prose»². Там я пробовал показать, как у автора стиль согласуется с содержанием. И я думаю, что это очень важно, потому что у языка не только дух, но у языка есть и своё тело. Так что в этом отношении ещё много можно будет открыть.

НГ – Мы, русские филологи, исторически большей частью учились у немцев. Однако, с другой стороны, сейчас, когда открываешь журнал «Hermes», видишь, что немецких статей там всё меньше с каждым годом, всё больше итальянские или английские. Как Вы думаете, какие могут быть перспективы нашего совместного движения в классических исследованиях, то есть наших, русских, и немецких сегодня?

Михаэль фон Альбрехт – Я был в величайшем восторге, когда в первый раз приехал в Ленинград в 1973 или 1974 году. Там был коллега из ГДР, он прочёл свой доклад по-немецки, и все русские коллеги, как ни в чём не бывало, разговаривали с ним по-немецки свободно: старые – с акцентом, но правильно, а молодые – даже без акцента. Удивительно было! Так что я думаю, что всё-таки немецкий язык очень подходит науке, потому что он очень гибкий и на нём можно очень точно выражаться. Я могу об этом говорить, потому что я переводил свою книгу на английский. И тут я видел, что у немецкого языка есть некоторые преимущества. Я очень уважаю и люблю английский язык, хотя, конечно, больше люблю русский и немецкий. Но я думаю, что научные исследования, особенно филологические, конечно, могут делаться на любом языке, но немецкий всё-таки подходит для этого лучше. Возьмите Фаддея Зелинского! Он родился в России, – ну, не знаю, что это сегодня,

² M. VON ALBRECHT, *Masters of Roman Prose from Cato to Apuleius: Interpretative Studies*. Tr. by N. Adkin. Leeds, 1989.

Россия или Украина, тогда все ещё были русскими, – Зелинский там родился, учился в Петербурге в немецкой школе. Там была замечательная гимназия *Annenschule*. Он, будучи поляком, писал блестящим стилем и по-немецки, и по-русски. По-немецки писал элегантнее многих немцев. Например, его книга о Цицероне «*Cicero im Wandel der Jahrhunderte*». Это – замечательная книга, потому что он пророчествовал *рецепцию* – то, что потом назвали *рецепциями*. Я помню заседание общества Т. Моммзена, где ввели этот новый термин – рецепция, т.е. влияние классических авторов на современных. И тогда я встал и сказал, что я себя чувствую, как М. Jourdain у Мольера в этой комедии «*Le Bourgeois gentilhomme*», который всю свою жизнь разговаривал по-французски, а теперь впервые узнал, что он пользовался прозой. То, что мы всегда делали, теперь называется *рецепцией*. Ну, хорошо. Я ничего не имею против новых методов, если они в самом деле новые и хорошие, иногда бывает так, что либо новые, либо хорошие, но это не закон. Есть большие преимущества и в новых методах, и я никаких не отрицаю.

НГ – Что бы Вы посоветовали человеку, только-только вступающему на путь занятиями классическими древностями? Сейчас у нас с каждым годом на классику поступает всё меньше студентов. Нам (всем, кто преподаёт латынь в других заведениях) приходится все пространнее объяснять, зачем это нужно...

Михаэль фон Альбрехт – Я бы попытался внушить учащимся следующую идею. Мы все, классики, враги мёртвых языков. А что такое «мёртвый язык»? Это не греческий и латынь. Действительно мёртвый язык, который нам много повредил, это – язык политической пропаганды. Немцы, фашисты, пользовались радио и таким образом убедили многих людей в этой чепухе. Вы, конечно, тоже знаете, что такое политическая пропаганда. А потом из этой пропаганды случаются войны. Я надеюсь на то, что молодые люди поймут, что именно это – мёртвый язык, политическая пропаганда. А коммерческая пропаганда ещё хуже, это ещё более мёртвый язык, потому что там одни штампы без всякого содержания. И, учась латыни и греческому, мы учимся отличать живой язык от мёртвого. Живой язык – это язык Гомера, язык Вергилия, потому что поэты принуждены своей профессией выражаться точно. Пушкин, например, любил слово «точно-русские слова», такое слово у него есть – «точно-русские слова». Поэты очень точные. Например, Андрей Белый написал книгу о символизме, и там он показал, что понятие точности у поэтов гораздо более развито, чем у филологов. Филологи думают иногда, что поэзия – это какие-то «тучи» там, «облака» какие-то. А на самом деле, мука поэта – это найти точное слово, поставить его на точное место. Но это не формализм, а правдивость. Читая поэтов, мы проникаем в эту область поиска правды. Это нам отворяет и ворота к философии и ко всему, к истине. Но первое – это красота! А проникая и стараясь выразить всё это, мы постигаем чувства.